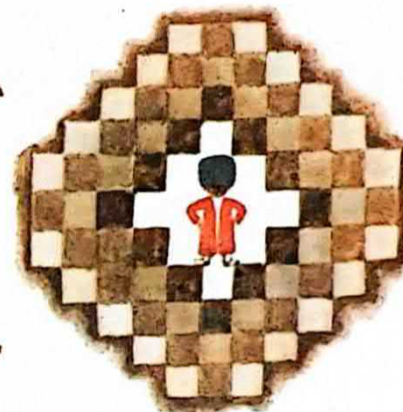

**ЯРТЫ·
ГУЮК**

ЯРТЫ. ГУЛОК

Пересказ и обработка
А. Александровой и М. Туберовского

Художник
В. Трубкович

Издательство
„МАЛЫШ“ 75

было ли это или не было — ехал по раскалённым от солнца пескам старик. Он ехал на ишаке и вёл за собой на поводу верблюда. Старик до света работал на мельнице и очень устал. Верблюд нёс на себе тяжёлые мешки и тоже устал. Ишак же устал потому, что на нём сидел старик.

Старик ехал и пел песню. О чём он думал, о том и пел:

Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с ноготок,
Лицом подобный цветущему маку,

Правом подобный весёлому солнцу,
А трудолюбием подобный пчеле, —
Вот тогда был бы я счастлив...

Вдруг старик услышал, что кто-то его зовёт:

— Эй, ата-джан, дорогой отец! Если у тебя нет сыночка, так возьми меня в сыновья.

Старик удивился. Он остановил ишака и стал смотреть себе под ноги, но увидел на дороге только сухие кусты верблюжьей колючки.

Но голос раздался снова:

— Если хочешь увидеть орла, не смотри на землю!

Тогда старик поднял глаза к небу, однако и там не нашёл ничего.

А голос сказал совсем громко:

— Эй, ата-джан, кто же ищет барса среди облаков?!

Старик взмолился:

— Перестань прятаться! Покажись сейчас же!

Ему очень хотелось поскорей увидеть своего долгожданного сыночка. И вдруг он его увидел: маленький мальчик выглянул из верблюжьего уха! Он весело посмотрел на старика и сказал тоненьким голоском:

— Я здесь, здесь! Ты видишь меня? Будь так добр, помоги мне выбраться из этой тесной кибитки!

Старик вынул мальчика из верблюжьего уха и посадил себе на ладонь — вот какой он был маленький! Голова его спереди была гладко выбрита, как у всех туркменских мальчишек, а за ушами торчали две тугие чёрные косички.

— Как же тебя зовут? — ласково спросил старик мальчика. — Клянусь, ты не больше половины верблюжьего уха!

Малыш глянул на старика и засмеялся:

— Вот так меня и зови! Это мне по душе!

И старик назвал мальчика Ярты-гулок, что и значит «половина уха».

А Ярты-гулок вскочил на ноги и, как заправский погонщик, закричал на задремавшего ишака:

— Но, но, мой ишак! Вези нас скорее к дому, а то у моей матери плов пригорит!

Ишак встряхнул ушами, и все четверо двинулись в путь.

Пусть они едут, а ты слушай, что было со старухой.

Старуха сидела посреди двора на белой кошме-подстилке и ткала ковёр. Она завязывала маленькие шерстяные узелки и думала о своём горе. А когда у человека горе, он или плачет, или поёт. Вот старуха и пела:

Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с поготов,
Виткала бы я для него ковёр —
Алый, как лепестки гвоздики,
Золотистый, как солнце на закате,
Синий-синий, как ночное небо.

Когда старуха глянула за ворота, она увидела, что её старик несётся вскачь на своём ишаке прямо к дому, а старый верблюд, едва поспевая, бежит за хозяином.

— Эй, мать! — закричал старик ещё издали. — Счастье приходит и к молодым и к старым. Судьба порадовала нас и подарила нам маленького сыночка.

Ярты сидел между ушей верблюда и поглядывал на родителей.

Старуха взяла мальчика в свои тёплые руки и шептала ему ласковые слова, называла его то румяным яблочком, то своим верблюжоночком.

Это было днём, а потом пришёл вечер.

Старуха обошла всех своих соседок и позвала их помочь по хозяйству. Она ничего не пожалела для гостей: наварила плову большой котёл, напекла сдобных лепёшек и поставила на стол деревянное блюдо, полное кишмиша и ломтиков сладкой дыни.

Целый вечер пели соседки, до поздней ночи звенел дутар¹.

И под звуки песен сшили женщины для Ярты-гулока три халата — из маленького платочка, папаху и туфли-ичиги.

¹ Дутар — музыкальный инструмент.

Они нарядили Ярты-гулока, посмотрели на него справа, потом посмотрели слева, хлопнули в ладоши и засмеялись:

— Вот это настоящий джигит!

Ярты-гулок поклонился родителям и сказал:

— Спасибо вам за заботу. Пришёл мой черёд и вам, и людям помогать.

Это он сказал. А теперь посмотрим, что он сделал.

Шёл однажды Ярты-гулок домой из соседнего аула. Долго шёл, наконец устал. Дорога длинная, а он маленький — разве скоро дойдёшь?

Вдруг малыш увидел коня. Конь щипал сухую траву на краю дороги, а рядом с ним стоял всадник — молодой, красивый джигит — и поправлял сбившееся набок седло.

«Где один — там и двое! — подумал малыш. — Мне кажется, что джигиту будет скучно скакать в одиночку!»

Он подбежал к лошади, уцепился за хвост и стал карабкаться вверх. Раз-два — и Ярты сидел уже на широкой спине скакуна. Конечно, джигит ничего не заметил. Крепко-накрепко затянув подпругу, он вскочил в седло и погнал коня.

Ай, как быстро помчался конь! Ярты сидел за спиной джигита и чуть не прыгал от радости. «Скоро буду дома, буду есть кашу!» — размышлял малыш и вдруг заметил, что всадник скачет не по дороге в аул, а гонит коня прямо в пески пустыни!

— Эй, эй! — закричал Ярты. — Куда ты скачешь, безумный? Заблудишься — пропадёшь в песках, и я пропаду вместе с тобой!

— Кто там пищит у меня за спиной? — испугался джигит и на всём скаку осадил коня. Оглянувшись, он увидел Ярты-гулока и тотчас же узнал его.

— Ну да, это я — Ярты! — успокоил его малыш. — Но зачем ты гонишь коня в пустыню? Чем без толку скакать по пескам, отвези-ка лучше меня домой.

— Нет, мальчик, этого я не могу сделать, — печально

ответил юноша. — Я дал слово не встречаться с людьми, пока не отвезу в пески своё горе.

— А велико ли твоё горе? — спросил малыш.

— Оно такое большое, что слов не хватит, чтобы о нём рассказать. — вздохнул джигит и замолчал.

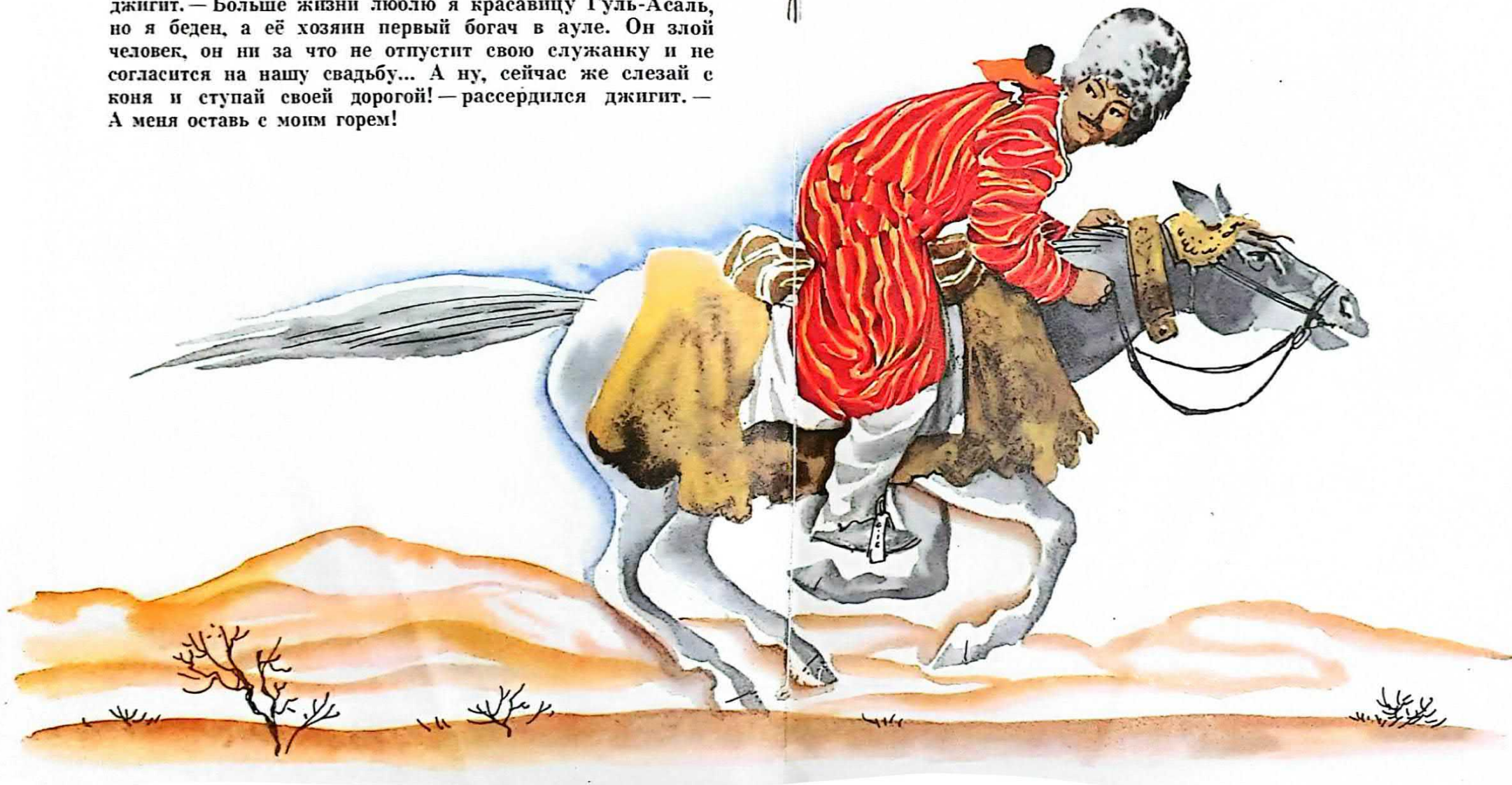
— Эй, когда горе — не молчать, кричать надо! — воскликнул Ярты-гулок и прибавил: — А вдруг я тебе помогу!

— О нет, мне никто не поможет! — печально ответил джигит. — Больше жизни люблю я красавицу Гуль-Асаль, но я беден, а её хозяин первый богач в ауле. Он злой человек, он ни за что не отпустит свою служанку и не согласится на нашу свадьбу... А ну, сейчас же слезай с коня и ступай своей дорогой! — рассердился джигит. — А меня оставь с моим горем!

Но Ярты не двинулся с места. Он покачал головой и сказал с укоризной:

— Ай, ты такой большой, но где же твоё сердце? Ты хочешь отвезти в пески своё горе, но разве нет горя у твоих добрых соседей?

— У нас в ауле на всех хватит горя, — согласился джигит.

— Так собери горе по всем дворам! — закричал Ярты. — Взвали его на семь верблюдов и отвези подальше — так далеко, чтобы горе никогда в аул не вернулось!

— И рад бы, да силы нет!

— У тебя силы нет? — малыш рассмеялся. — Твоя грудь широка, как у барса, а руки крепче железа!

Джигит совсем рассердился:

— Слезай сейчас же с коня и не учи других, если сам ничего не можешь сделать!

— Я ничего не могу сделать? — возмутился Ярты. — А вот и сделаю! Поворачивай обратно коня. Скачи в аул. Мы соберём всё людское горе!

Они поскакали. Ай, каким бедным был этот аул! Такой бедности Ярты ещё никогда не видал!

Остановившись у первого же двора, они увидели старую-престарую женщину. Годы и горе согнули её.

Старуха низко поклонилась им и сказала:

— Вай, милые, велико моё горе, и живёт оно вон за тем высоким дувалом¹.

Из других ворот выбежал мальчик. Он поддёрнул полы своего рваного халата, осмотрелся вокруг — не подслушивает ли кто — и прошептал:

— Отец говорит, что всё горе идёт к нам оттуда. — И указал на тот же дувал.

Не успели они подъехать к третьему двору, как услышали плач и крики.

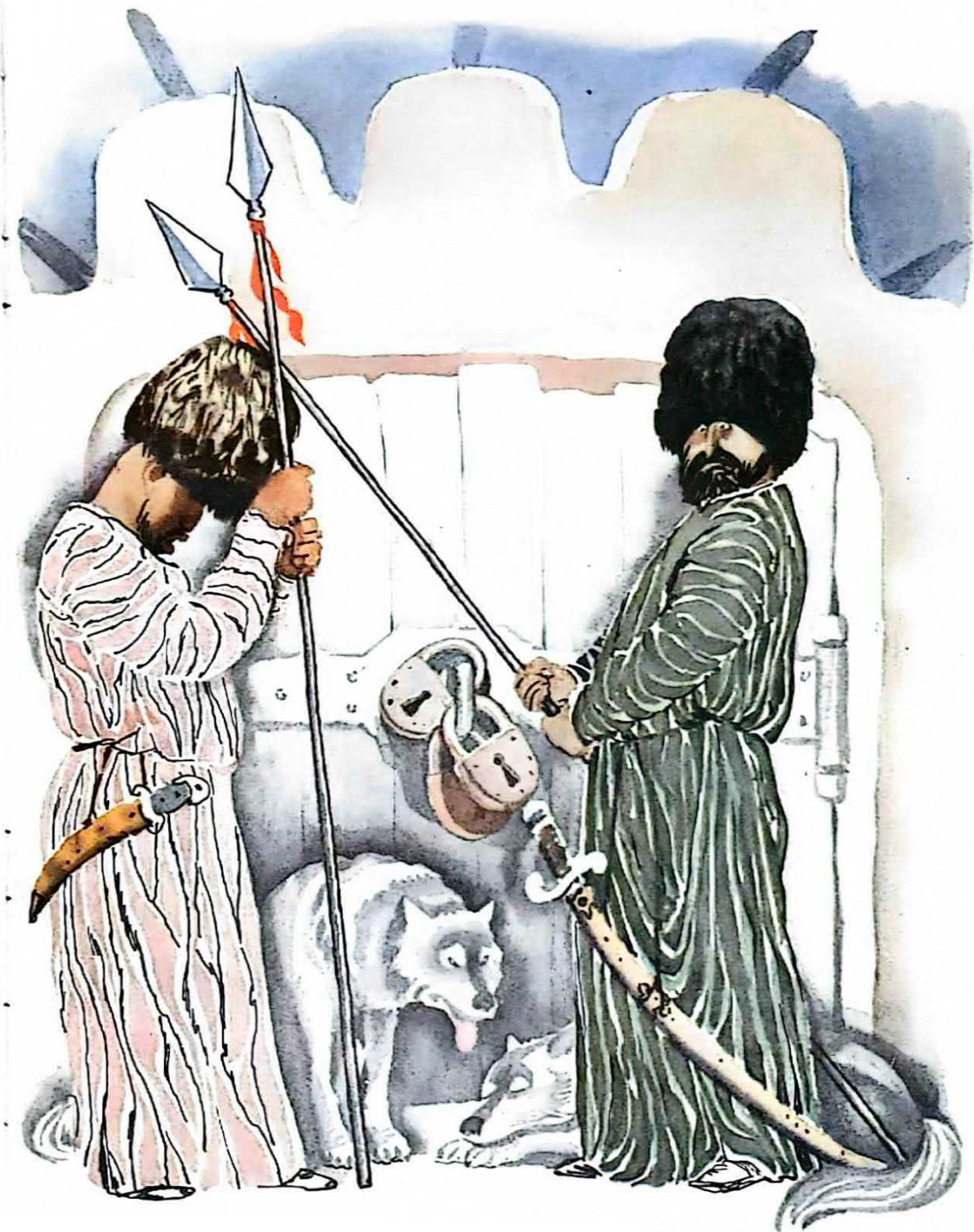
— Что тут случилось? — в тревоге спросил Ярты. — В этом доме кто-нибудь заболел или умер?

— Нет, — печально ответил джигит, — разве не видишь ты, что из этого несчастного дома всё добро до последней нитки тащат туда же — за высокий белый дувал!

— Но кто живёт за этим проклятым дувалом? — спросил малыш. — Свиный тигр или злой дракон?

— Он злее тигра и беспощадней дракона! — ответил

¹ Дувал — глинобитная стена, забор.

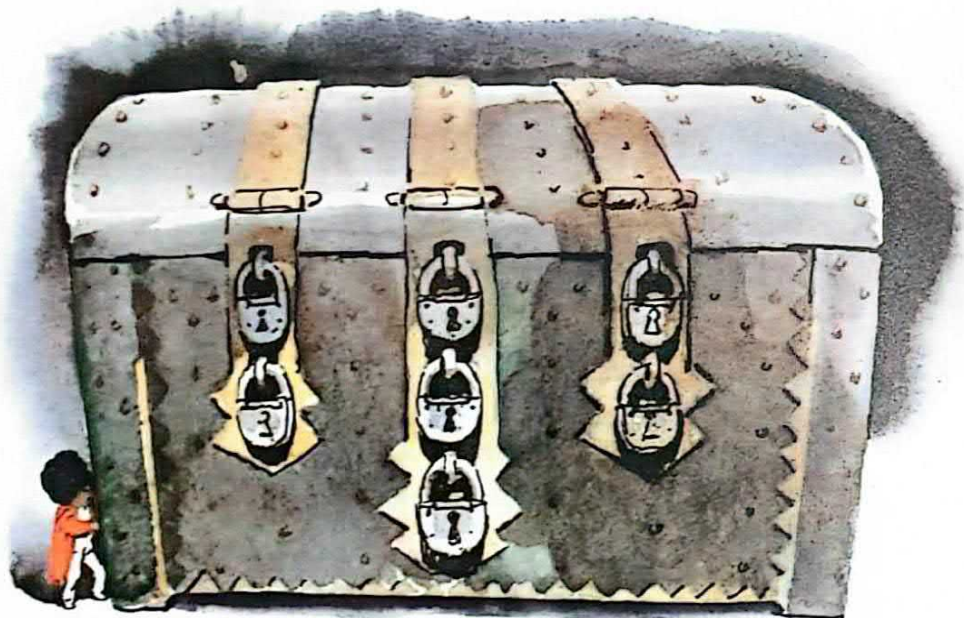
джигит. — Это бай и ростовщик Кара-Бек. Как жадный паук, опутал он весь аул своей паутиной и сосёт кровь из людей. Он губит всех! Он погубил и меня, потому что любовь моя, Гюль-Асаль, — его служанка!

— Так поскачем скорее к этому сыну шайтана. У меня руки чешутся — так хочется с ним посчитаться! — воскликнул Ярты-гулок.

Но юноша покачал головой.

— Никто не пустит нас во двор к Кара-Беку. Ты видишь — на воротах висят замки, на дувале воткнуты железные колья, а слуги и злые псы день и ночь сторожат этот дом. Ни птица не залетит к Кара-Беку, ни зверь не проскочит. Как же войти туда человеку?

Но даже и эти слова не смутили Ярты-гулока.

— А мне отец говорил не раз: «Кто от борьбы бежит, пусть в могиле лежит», — возразил малыш. — Не будем трусами, поскачем скорее к скупому баю!..

Каждый день с утра старик Кара-Бек спускался в свои подвалы, где рядами стояли сундуки, туго набитые золотом. Он зажигал светильник, наполненный бараньим жиром, и принимался пересчитывать золотые монеты. Ничто не радовало старого скрягу — ни пение птиц, ни журчание вод, ни блеск весеннего солнца. Ничто не трогало его чёрствого сердца — ни нужда, ни людские слёзы. С утра до вечера он думал только лишь об одном — как накопить побольше денег и ещё больше увеличить свои богатства.

Так было и в этот день. Наполнив золотом сотый мешочек, он спрятал его в сотый сундук и запер на семь замков. И тут он услышал шорох: из норки выглянул проворный мышонок и тихонечко пропищал:

— Эй, богач! Не напрасно ли ты дрожишь над своим золотом? С тех пор, как в песках прошёл золотой дождь, твоё золото потеряло цену!

— Кш! — рассердился скряга. Он бросил туфлей в мышонка, и мышонок тотчас исчез.

Но с потолка на длинной нитке спустился паук. Он пошевелил лапками и зашептал:

— Ты зря обидел маленького мышонка. Он сказал тебе чистую правду. С тех пор, как в песках прошёл золотой дождь, каждый может прийти в Кара-Кумы и сгребать лопатой золотые червонцы.

— Врёшь, врешь! — захрипел старик. — Никто ещё не накопил больше золота, чем лежит у меня в подвалах!

— Хи-хи-хи! — засмеялся большой чёрный таракан, ползая по стене. — У последнего нищего в ауле скоро будет больше сокровищ, чем у тебя, Кара-Бек!

— О! — простонал богач. — Вы сведёте меня с ума!

— О нет! — пропищал мышонок, снова высунувшись из норки. — Мы просто хотели предупредить тебя по старой дружбе. Не теряй понапрасну времени. Спешу в Ка-

ра-Кумы, нагребн себе мешки золота, пока его не расхватали соседи!

— Так и сделай, так и сделай! — прошептал паук. — Нагребн золота, отвези его в дальние страны, и продай его втридорога.

— Снова станешь богаче всех, снова станешь богаче всех, — шевеля усами, захихикал таракан.

— Ай, ай! — завопил старик. — Но кто же повезёт меня в Кара-Кумы? Всю жизнь я был бережливым и не держал ни коня, ни верблюда, ни ишака!

— Плохи твои дела, ай, плохи! — пропищала из норки мышь. — Никогда не добаться тебе до Кара-Кумов.

— Останешься ты без золота, — прошептал паук.

— Хи-хи-хи! — засмеялся чёрный таракан. — Бедняки расхватают всё и не оставят тебе ни крупинки!

— Так нет же! — заревел скряга. — Я первым приду в пески, и золото будет моим!

Он выбежал во двор и хотел крикнуть слуг, но тотчас же спохватился: «Если слуги узнают про золотой дождь, они первыми прибегут в пески и захватят себе все богатства!»

И вот, таясь от людей, старик ползком выбрался за дувал и вдруг увидел джигита верхом на коне. Старик обрадовался.

— Эй, дружок! — обратился к нему скупец. — Я узнаю

тебя. Ты должен мне сто теньга, но если ты отвезёшь меня в Кара-Кумы, я прощу тебе половину долга.

Джигит ответил:

— И за тысячу медных теньга никто не повезёт тебя в Кара-Кумы сегодня.

— Я дам две тысячи!

— И за пять тысяч не повезу тебя в Кара-Кумы! — ответил упрямый всадник. — Отдай за меня Гюль-Асаль, тогда поедем!

— Всё, всё бери, Гюль-Асаль бери, ничего не жалко! — завонил старик. — Но сейчас же отвези меня в пески!

Джигит рассмеялся:

— Ладно, садись!

Старик взобрался на круп коня, и джигит погнал скакуна в пустыню.

Долго они скакали, быстро скакали — быстрее ветра. День прошёл, вечер настал, солнце стало садиться в пески Кара-Кумов.

— Слезай! — приказал джигит, осаживая коня.

Посмотрел вокруг Кара-Бек, но ничего не увидел, кроме мёртвых песков. Без края и без конца вздымались они волнами до самого горизонта, но ни одной золотинки не блестело в этом бескрайнем песчаном море.

— Куда ты завёз меня, злой человек?! — закричал богач.

— Туда, куда ты просил, — в Кара-Кумы! — неожиданно пропичал кто-то голосом маленького мышонка.

— Но где же золото? — заревел разъярённый богач.

— Покопай и найдёшь! — отвечал голос паука.

— Ты обманул меня! — застонал ростовщик.

— Хи-хи-хи! — засмеялся кто-то голосом таракана. — А сколько раз ты сам обманывал добрых соседей?

Кара-Бек оглянулся и увидел, что на плече у джигита сидит маленький человечек, ростом в половину верблюжьего уха; это он разговаривал на все голоса в подвале! Малыш смеялся и грозил пальцем богачу. Старый скряга в испуге попятился и рухнул с коня на песок.

— Дело сделано! — объявил джигиту Ярты-гулок. — За-везли мы в пески людское горе. Поворачивай же коня и скачи обратно в аул!

— Погодите! — взмолился богач. — Возьмите меня с собой!

— Ну нет! — крикнул Ярты. — Кто же возит своё горе обратно. Придётся тебе самому добираться до дому, злой человек!

Джигит гикнул, и конь поскакал, поднимая тучи песчаной пыли.

Долго смотрел ему вслед богач. Потом копнул песок в одном месте, копнул в другом, но, конечно, не нашёл ни одной золотой монетки. Медленно поплёлся богач по пескам. Шёл день, шёл другой, а на третий поднялась в пустыне чёрная песчаная буря и засыпала навсегда богача, а вместе с ним и людское горе.

А в ауле соседи весело справили свадьбу красавицы Гюль-Асаль и молодого джигита. Часто собираются они вечерами и рассказывают друг другу про золотой дождь и проворного Ярты-гулока.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ЯРТЫ-ГУЛОК

Туркменская народная сказка

Пересказ и обработка А. Александровой и
М. Туберовского

Художник В. Трубкович

**СКАЗКИ
15 СЕСТЕР**

Составление
и общая редакция
Виктора Вахдаева

Туркменская
народная сказка

Редактор Т. Носова. Художественный редактор Ю. Поливанов.
Технический редактор Т. Щепетова. Корректор Н. Пьянкова. Сдано
в производство 15/IV-74 г. Подписано в печать 2/XII-74 г. Бум. офс. № 1.
Формат 60X90/8. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,77. Тираж 150 000. Цена 23 к.
Изд. № 2669. Заказ 17. Издательство «Малыш» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной тор-
говли. Москва, К-55, Бутырский авт. 48. Калининский полиграфоиздат
детской литературы имени 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата
СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

70801—028 32—75
М102(03)—75